
А. Ш. КАДЫРБАЕВ

ПОЛЬША И ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ НАРОДЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Начало воздействия кочевых народов Великой Степи на польскую цивилизацию относится к последнему десятилетию первой половины XIII в., когда в эпоху монгольских завоеваний войска первых наследников «Потрясателя Вселенной» Чингисхана в 1241 г. двинулись на запад, на завоевание Европы, к «последнему морю». Накануне монгольского нашествия Польша не представляла собой единого централизованного государства и была разделена на фактически независимые друг от друга владения – Малую Польшу со столицей в Кракове, Шленск, или Силезию, с центром во Вроцлаве и Мазовию. К 1241 г. уже год как пали под натиском воинов внука Чингисхана – хана Бату (Батыея в древнерусских летописях) – последние барьеры – древнерусские княжества – на пути монголов в Европу, которая не была готова к сопротивлению, хотя вести о приближении завоевателей к ее границам поступали уже давно. Польша в этом отношении также не была исключением. Древнерусские князья, чьи княжества – Черниговское и Галицко-Волынское – были разгромлены и захвачены монголами, до этого пытались вступить в союз с королем Венгрии Бэлой IV и польскими владетелями для отражения степных завоевателей, но нашли поддержку лишь в Мазовии, где они и укрылись после поражения от Бату-хана – при дворе мазовецкого князя Болеслава. При этом волынским князьям был выделен «на кормление» город Вышеград.

Начиная поход вглубь Европы, Бату-хан двинулся с основными силами своей конной армии, сформированной из монгольских и тюркских степняков, на Венгрию традиционным путем кочевников – через венгерскую равнину, планируя создать здесь опорную базу своего господства в центре континента. Насколько позволяют

судить источники, отряды других своих военачальников Бату-хан направил в Польшу, Чехию и Дунайскую Болгарию, чтобы обезопасить фланги своих основных сил от предполагаемых ударов со стороны этих государств.

Первой жертвой европейского похода монголов стала Польша. Сравнительно недавно польский исследователь Г. Лябуда пересмотрел относящиеся к этой теме разноречивые и разрозненные источники и пришел к выводу, что в основу описания можно положить труд Яна Длугоша, который располагал ныне утраченной монастырской доминиканской хроникой, черпавшей свои сведения у современников событий (Dlugosz 1873: 268). Первое вторжение в Польшу Г. Лябуда относит к январю 1241 г., когда монголы вскоре после взятия Киева и во время боев в Галицко-Волынской Руси прорвались на территорию Польши, к реке Висле, где захватили Люблин и Завихост, отказавшиеся добровольно подчиниться завоевателям. Через эту образовавшуюся брешь польской обороны один из монгольских отрядов достиг Рацебужа.

Второй удар в феврале того же года был обращен на Сандомир: разгромив этот главный опорный пункт польской обороны на Висле, монголы нанесли поражение малопольскому рыцарству 13 февраля в полевом сражении под Турском. Видимо, после этого монгольские рати были оттянуты для пополнения на исходные базы на Руси. Г. Лябуда полагает, что в связи с тем, что главный удар Бату-хан наносил на венгерском направлении, в Польшу была направлена «тьма» (то есть 10 тысяч воинов) под командованием военачальника Байдара (Labuda 1959: 189–224), хотя некоторым исследователям эта цифра представляется заниженной. Байдар был одним из тех прославленных в боях «сильных воевод», которые взяли Киев с Бату-ханом. Среди них внуки Чингисхана и братья Бату-хана Мункэ, Гуюк, будущие великие ханы Монгольской империи перед ее распадом в 1259–1260 гг., Орду-Эджэн, Кадан и такие известные полководцы, как Субэдэй-бахадур, Бурундай, Бирюй, Бечак. Кроме Байдара в Польше действовали, как полагают, подчиненный ему военачальник Кайду и Орду-Эджэн, старший брат Бату-хана, если верить Плано Карпини, послу Римского папы к великому монгольскому хану в 1245 г., который со своим спутником и переводчиком Бенедиктом Поляком достиг Каракорума – столицы Монгольской

империи в степных глубинах Центральной Азии, и чьи сведения стали основой первых знаний средневековых европейцев о монголах (Путешествия... 1993: 40; Юрченко 2001: 162–165; Strzelczyk 1999). В таком случае Орду-Эджэн как Чингисид вряд ли был в подчинении Байдара и, вполне вероятно, также возглавлял «тьму». Предполагается, что в походе на Польшу участвовал и Шибан (Шейбани), младший брат Орду-Эджэна и Бату-хана.

Как бы то ни было, где-то 10 марта воины Байдара форсировали Вислу у Сандомира, откуда отряд Кайду по приказу Байдара направился для опустошения края в направлении Ленчицы с последующим выходом к Кракову. Сам Байдар предпринял глубокий рейд до окрестностей Кельце. Прикрывая путь на Краков, польские отряды из этого города под началом воеводы Владимежа и из Сандомира под командованием воеводы Пакослава пытались остановить врага, но не устояли под сокрушительной атакой лавы степной кавалерии и были разбиты под Хмельником. Воевода Владимеж пал в бою. Краковский и сандомирский князь Болеслав Стыдливый с матерью, русской княгиней Гремиславой Ингваровной, и всей семьей, покинув малопольскую столицу, бежал в Венгрию. Но горожане и гарнизон Кракова мужественно защищались. Краков пал 28 марта после кровопролитного штурма. Но и после взятия города горстка храбрецов удерживала собор Святого Андрея. Этот собор, стоящий неподалеку от Вавеля, сохранился и донныне. Как и повсюду, монголы разоряли земли и угоняли в плен жителей. В краткой редакции краковской хроники читаем: «Татары (монголы) вступили в Краков, подожгли храм и увели бесчисленное множество жителей».

Соединенные силы Байдара и Кайду в начале апреля быстрым рейдом, маневрируя по пересеченной местности, через Рацибуж и Ополе прорвались к столице Силезии – Вроцлаву. Разорение Малой Польши вызвало тревогу в других землях страны. Жителей Шленской земли призвал к обороне князь Генрих Благочестивый; во Вроцлав стекались со всех сторон польские рыцари и ополченцы-лучники, люди разных сословий – крестьяне, холопы, шляхта. Воины из Малой Польши и южной части Великой Польши объединились под воеводством Сулислава, брата краковского воеводы; во главе верхнешленского воинства стал опольский предводитель

Мешко; сам Генрих вел нижнешленское войско. О воинских отрядах из Мазовии и Куявии источники не упоминают, может быть, тому причиной – отвлекающий рейд Кайду к Ленчице, а возможно, и распри князей.

Один из отрядов объединенного войска составляли иностранные рыцари, предводимые, должно быть, Болеславом, сыном моравского маркграфа Дипольда. В него входили французские тамплиеры. Об этом известно из письма их великого магистра Понсе Добона королю Франции Людовику IX. Они потеряли в битве с монголами под Легницей более 500 человек, в том числе и шесть рыцарей. В этом же отряде находились горняки из Злотой Гожи. Вероятно, в отряде было небольшое число немецких рыцарей, которые в 1222 г. получили от князя Генриха Бородатого небольшое селение Лососино в Бендлевице и, возможно, несли там какую-то службу. Князь Генрих обратился за помощью и в Чехию. Чешский король Вацлав I обещал привести войско. Князь Генрих не стал оборонять Вроцлав, но горожане, укрепившись в крепости, отразили монгольские атаки. Разорив пригороды, монголы оставили город в своем тылу (Пашуто 1970: 206, 209–211). Генрих решил дать степнякам полевое сражение, уповая на численное превосходство своей рати и, главное, на тяжеловооруженных польских и немецких рыцарей, перед атакой сомкнутого строя которых, как ему казалось, не должна была устоять легковооруженная конница кочевников.

9 апреля отряды Генриха, шедшие на соединение с чехами, приняли бой с противником при Легнице. Но исход сражения был решен необычной для европейцев тактикой степной конницы, очень маневренной и быстроходной, спаянной строжайшей дисциплиной под единым командованием, основанной как на системе материального поощрения, так и на жесточайших карах за проступки. Войска Чингисидов отнюдь не были недисциплинированными ордами полуголых, одетых в шкуры дикарей, которые побеждали числом, как поначалу полагали их европейские противники. Тактика конных атак монголов была отработана до мелочей в бесчисленных завоевательных походах, и пришла очередь поляков испытать на себе их эффективность. Тактические уловки, коими пользовались степняки, были у них в крови, и при Легнице европейцы

столкнулись с полным набором этих боевых приемов: ложными отступлениями с заманиванием в засаду под удар основных сил, членением отрядов по фронту и в глубину, использованием скрытого резерва. Луки монголов и тюрок были более дальнбойными по сравнению с европейскими, о чем свидетельствует надпись на камне Чингисхана, где сообщается о том, что его племянник Есункэ пустил стрелу на 335 сажень. Сражение открывалось атакой лучников, которые вели массированный и одновременно прицельный огонь с коней, причем точность его была такой, что стрелы то и дело поражали лица и руки воинов противника и даже перерезали тетивы их луков, что ошеломляло европейцев. Этот прием заключался в том, что степные лучники поотрядно выстраивались цепью в круг и начинали атаку, «вращаясь» перед фронтом противника по часовой стрелке, так что мишень всегда была слева от стрелка, то есть в самой удобной для него позиции. В зависимости от длины фронта стрелок успевал сделать 2–3 выстрела, после чего «хоровод» уводил его из зоны стрельбы, и он мог подготовиться к очередной серии выстрелов (в колчане у него было 60 стрел), не подвергаясь опасности, тем более что постоянно был в движении. Противник же оставался практически неподвижной мишенью, а тучей летящие стрелы, пущенные всего с 20–40 метров, точно попадали в самые уязвимые места, и «сразу бывает много убитых и раненых». Легкие клинки и доспехи, а также наличие у каждого степного воина запасного коня, когда во время бешеной скачки он мастерски перескакивал с лошади на лошадь, позволяли ему лучше маневрировать в бою. С детства степняки осваивали меткую стрельбу из лука на полном скаку, технику езды под брюхом лошади или свесившись на один бок так, что стрелы противника не могли поразить их. Они умели вскакивать на мчавшуюся лошадь и падать с нее из седла, свешиваться на стремянах и волочиться по земле, притворяясь убитым, ловко набрасывать на врага аркан и подхватывать на скаку лежащий на земле предмет, стоять в седле во время скачки.

Представим теперь в связи с этим чувства польских, немецких и французских рыцарей в бою под Легницей. Привыкшие к размеренному передвижению в строю, европейским способам ведения боя, к упоительным атакам под развернутыми знаменами, рыцари терялись перед новым противником. Вот скачет рыцарь, чьи доспе-

хи весят 50 кг, навстречу смуглому ордынцу, намереваясь пронзить его пикой, а степняк вдруг резко поворачивает в сторону на своей обученной лошади и выволакивает немца из седла особым крюком, который оказывается у него под наконечником копья. А за ним несет следующий степняк с занесенным кривым клинком... Польский рыцарь гарцует перед вражеским батыром, хочет скрестить с ним клинки в честном поединке – и вдруг летит аркан, и рыцарь валится на землю в своих пудовых латах, становясь неповоротливым и беспомощным...

Монголы в это время, несомненно, обладали не только лучшей в мире военной тактикой, но и самыми передовыми военными технологиями, заимствованными чуть ли не во всех странах Азии и Европы. Интересны данные Яна Длугоша по этому поводу, где очень наглядно описываются использованные монголами при Легнице отравляющие вещества. Монголы одними из первых в истории применили отравляющие вещества в боевых действиях. Само содержание сообщения Длугоша не позволяет сомневаться по поводу примененного оружия. Неизвестен только состав использованной смеси. Есть предположения, что это дымный порох. Но, возможно, смесь имела более сложный состав и была специально приготовлена для своего рода газовой атаки, поскольку известно, что монголы переняли от китайцев их умение делать смеси, при зажигании выделявшие газ, от которого «крысы сдыхали, а у людей кровь шла из носа». А смеси эти готовили из переработанного растительного сырья – кросеня и корня еще не определенного до сих пор растения, применяемого в Китае как отравы для крыс, а также для изготовления мышьяка. По описанию польского летописца видно, что применение отравляющих веществ монголами при Легнице осуществлялось умело и эффективно и имело, скорее всего, давнюю традицию, когда еще во время облавных охот кочевники использовали дым для «выкуривания» животных из нор (Горелик 2002: 28–31; Свентославский 1998: 295–296). «Газовая» атака монголов внесла смятение в ряды их противников, не оставив им никакого шанса на победу.

Свою роль сыграли в сражении при Легнице воинственный дух, храбрость и мужество, выносливость и ратное мастерство воинов-кочевников. Вот мнение их противников: «Нет равных им в стра-

даниях битвы, а также по мастерству нанесения колющих и рубящих ударов». Монголам удалось перехватить объединенные силы поляков и их союзников до подхода чешских подкреплений, что также стало важной составляющей их победы, когда в разгар сражения войско Вацлава I находилось на расстоянии однодневного перехода от легницкого Добра Поля. Несмотря на отвагу, в которой поляки и их союзники ни на йоту не уступали своему противнику, союзное войско потерпело поражение. Погибло много воинов, в битве пал и князь Генрих. В письменных источниках середины XIII в. на немецком языке говорится о 40 тысячах павших поляков, немцев и других европейцев в битве под Легнице. Согласно своему обычаю, победители отрезали уши убитых воинов противника для отчета и, насадив на шест голову князя Генриха, подступили к Легнице. Но горожане, узнав об исходе битвы, не пали духом и отразили вражеский приступ. Тогда степняки отошли к Одмухову. Пробыв в Нижнем Шленске две недели, они отправились под Рацибуж, но взять город внезапной атакой не удалось. Получив приказ Бату-хана, который с главными силами находился в Венгрии, рать Байдара 16 марта отошла от Рацибужа и, по свидетельству Кельнской хроники, покинула территорию Польши (Пашуто 1970: 209–211; Regesta... 1855: 502).

Таким образом, поляки смогли отстоять некоторые важные центры своей страны, сражались до конца и не сдавались, невзирая на поражения. Завоеватели понесли в Польше немалый урон. Как писал в середине XIII в. Плано Карпини, из воинства Бату-хана, участвовавшего в походе вглубь Европы, «многие были убиты в Польше» (Путешествия... 1993: 42). Но неизмеримо больше погибло мирных жителей, которые подверглись «огромному избиению, произведенному татарами (монголами), и главным образом христиан, а преимущественно венгров, моравов и поляков», – сообщает тот же Карпини (Путешествия... 1993: 60; Пашуто 1970: 219). В польской историографии, помимо упомянутых выше краковской хроники и хроники Яна Длугоша, записи о монгольском нашествии на Польшу сохранились в хронике Познани.

После распада Великого Монгольского Улуса – империи, созданной Чингисханом, – и образования на его руинах в Восточной Европе и Центральной Азии в 1266 г. Золотой Орды, или Улуса

Джучи, где правили потомки Чингисхана, подвергшиеся тюркизации со стороны своих многочисленных подданных кыпчаков-половцев и принявшие ислам в 1312 г., больше не предпринималось завоевательных походов вглубь Европы, хотя периодически золотоордынские «тьмы» вторгались в Польшу, Литву, Венгрию и на Балканы. Но это были, скорее всего, не походы, а набеги, и целью их было уже не завоевание, а ограбление соседей. Огромная территория, многочисленное население, сильная центральная власть, большое боеспособное войско, умелое использование торговых караванных путей, дань с покоренных народов, успешные набеги на соседей – все это создавало мощь ордынской империи. Она крепла, и в первой половине XIV столетия пережила пик своего могущества.

Набеги золотоордынских отрядов побудили в 1411 г. польского короля Владислава направить делегацию в Рим с просьбой к Римскому папе Иоанну XXII объявить крестовый поход всей Европы против Золотой Орды. Однако Сигизмунду, могущественному монарху Европы того времени, германскому императору, королю венгерскому и богемскому, удалось уже к 1412 г. переубедить Владислава и побудить его вместе с другими европейскими государями к союзу с Золотой Ордой против Османской империи. Польско-золотоордынские отношения – это не только войны и набеги, но и дипломатические связи. Свидетельством этого являются жалованные грамоты ханов Золотой Орды польским королям, в частности хана Тохтамыша королю Ягайле (Султанов 1978: 235–237; Зайцев 2002: 114).

Начиная с конца XIV в., когда в Золотой Орде началась междоусобица – «великая замятня», и особенно после ее распада в XV в. немало ордынцев знатного происхождения бежали со своими семьями и подчиненными им отрядами, спасаясь от преследований, в пределы Великого княжества Литовского, чьи правители – великие князья – были литовцами и язычниками, а большинство их подданных – православными восточными славянами. В XVI в. Великое княжество Литовское объединится с Польшей в единое государство – Речь Посполитую. Великий князь Гедиминас, или Гедимин, правивший в 1316–1341 гг., был первым из князей Литовской Руси, кто приглашал ордынцев на военную службу и использовал их в борьбе против врагов Литвы и Польши – немецких рыцарей Тевтонского

ордена и Великого княжества Московского. Великое княжество Литовское, в состав которого входили восточнославянские земли, в частности Беларусь и Смоленск с округой, и чьим государственным языком (отчасти из-за того, что литовский тогда еще не имел письменности) был западнорусский – прямой предшественник белорусского, за что иногда это государство именовали Литовской Русью, видело в Москве соперника, так же стремившегося объединить восточнославянские земли под своей эгидой. О пришельцах в Литву и Польшу «из владений какого-то хана» в своих «Анналах» 1324 г., еще до «великой замятни» в Золотой Орде, сообщает монах-францисканец Лука Баддинг. Однако особенный рост поселений ордынцев наблюдается в годы правления великого князя Витаутаса, или Витовта, с 1397 г., когда они сформировали его личную гвардию. В Вильно, Троках (Тракае), Новогрудке и селе Сорок-татар были построены первые мечети. Среди тех, кого великие литовские князья приглашали на службу, были не только турки-мусульмане, но и караимы – тюркский народ, исповедующий иудаизм и живший тогда преимущественно в Крыму. Князь Витовт активно вмешивался во внутренние дела и распри Золотой Орды, а после ее распада пытался влиять на ситуацию в образовавшихся на ее бывшей территории государствах, к числу которых относились Большая Орда, Крымское, Казанское, Сибирское на Тоболе и Астраханское ханства, Великое княжество Московское, а затем и Узбекский улус, из которого впоследствии выделились Ногайская Орда и Казахское ханство. Так, основателем правящей ханской династии Гиреев, потомков Чингисхана, в Крымском ханстве был Хаджи-Гирей, который родился в Литве, в поселении ордынцев возле Трок (Кошелев 1992: 103–104).

После унии Польши и Литвы и образования Польско-Литовского государства – Речи Посполитой, в котором доминировала польская элита и которое, по существу, стало по своей мощи империей, объединив с Польшей и Литвой Украину, Беларусь и Смоленск, ордынцы продолжали селиться в этой стране. Известно об одном из ханов Большой Орды – Шейх-Ахмеде, который в начале XVI в. оказался то ли в гостях, то ли в заточении в литовском замке Ковно, и антикрымски настроенные польские и литовские магнаты не раз советовали великому князю литовскому Александру Кази-

мировичу, а затем и польскому королю Сигизмунду I отпустить его вместе с братом Хаджике (Хамелек) к ногаям с целью возбудить их против Крыма. Но Шейх-Ахмед умер, и в центре интриги оказался Хаджике. В конце концов ее инициатору, местному князю Михаилу Глинскому, удалось уговорить короля отправить его в Ногайскую Орду (Трепавлов 2001: 150). В 1560 г. есть сообщение польской стороны о том, будто «нагаи многие ныне пришли из Крыма служить королю» (Там же: 305).

Селились ордынцы в Речи Посполитой родоплеменными группами – улусами. Военнослужилые ордынцы делились на хорунжества, которые создавались на основе разных тюрко-монгольских племен и родов, представленных в составе выходцев из степных постордынских государств: уйшун (уйсун, юшин), найман, джалаир, конграт, барын. Отсюда хорунжества Юшинское, Найманское, Ялаирское, Кондратское, Барынское.

В силу изложенных выше причин ордынцы, именуемые в Польше «татарами», встречались с поляками на полях сражений не только как противники, но и как товарищи по оружию. Особенно показательна в этом отношении «битва народов» – поляков, литовцев, русских из Смоленска, белорусов, чехов и ордынцев в 1410 г. под Грюнвальдом с немецкими крестоносцами, рыцарями Тевтонского ордена, победа в которой заложила основу могущества Польского государства в Европе в течение последующих двухсот лет. В книге «Память о легендах» сообщается, что в Грюнвальдской битве участвовало пять тысяч конных ордынцев во главе с ханом Джелалад-Дином. Согласно немецким орденским хроникам, великий магистр Тевтонского ордена Ульрих фон Юнгинген пал в этой битве от руки ордынского военачальника Багарадина.

Когда в 1429 г. в Луцке собрались великий князь литовский и западнорусский Витовт, король польский Владислав (Ягайло, Ягелло), король римский и германский, венгерский и богемский Сигизмунд, представители Папы Римского, императора Византии, датского короля, великого магистра Тевтонского в Пруссии и Ливонии, западнорусские и литовские князья, герцоги Мазовецкие с целью общеевропейской борьбы с Османской империей, на съезде, по некоторым данным, присутствовал будущий крымский хан Хаджи-Гирей и представители хана Большой Орды. Витовт в письме Ли-

вонскому ордену писал накануне съезда: «Царь Махмет (Улуг-Мухаммед), наш друг, писал нам, что он владеет теперь всем царством и Ордой и через посла своего предложил нам прочный союз».

Еще в княжение Витовта ордынцам были предоставлены права, свобода вероисповедания и разные привилегии, подтвержденные позднее польскими королями. Но в социальном и сословном плане ордынцы Речи Посполитой не были однородны. Самой влиятельной была группа военнотружильных ордынцев, юридически приравненных к польскому дворянству – шляхте. Польско-католическое государство признало за семьями из ханского рода и родоплеменной аристократии их сословные права. Хотя не все привилегии католической шляхты были предоставлены ордынской знати Речи Посполитой, тем не менее, главным правом шляхты – иметь крепостных и землю – они обладали, причем их крепостными могли быть и христиане. Эти права сохранились и впоследствии, после того как Литва и Польша стали частью Российской империи, несмотря на то, что в России тогда мусульмане по российскому законодательству не имели права владеть крепостными-христианами; но для мусульман, бывших подданных Речи Посполитой, было сделано исключение, и в 1840 г. указ императора Николая I подтвердил это. Беднейшую группу ордынцев составляли лица, именовавшиеся в официальных польских документах «простыми татарами». Они происходили в основном из военнопленных поселенцев – «ясочных людей», не являвшихся представителями степной знати. С середины XVI в. ордынцы, или татары Речи Посполитой, начинают постепенно утрачивать родной язык, который принадлежал к кыпчакской группе тюркских языков, и пользуются польским и белорусским языками. В то время, по одним данным, их было от 100 до 200 тысяч, а по другим – не более 40 тысяч. Вместе с тем они сохранили свою религию – ислам суннитского толка, которую и сегодня исповедуют их потомки – около 13 тысяч татар в Беларуси и по несколько тысяч в Польше и Литве (Зайцев 2002: 119; Кошелев 1992: 103; Ислам... 2001: 29).

Но взаимоотношения с тюркским степным миром были для Польши не одним лишь внутривосточным, но и важным внешним фактором, от которого зависела не только безопасность, но и

само существование Польского государства. Распад Золотой Орды радикально изменил соотношение сил в Восточной Европе, что не могло не волновать правящую польскую элиту, которая вступила в борьбу за наследие распавшейся степной империи с новыми центрами, возникшими на руинах Улуса Джучидов, – Крымским ханством и Московским государством, «законными», в отличие от польских королей, наследниками власти на постордынском пространстве. В этой ситуации Речь Посполитая вела борьбу, в том числе и военными средствами, с Московским государством и Крымским ханством, за которым стояла могущественная тогда Османская империя, с целью преобладания в Восточной и Центральной Европе, когда при Яне Собесском поляки разбили османов под Веной, а при Стефане Батории выиграли Ливонскую войну у русского царя Ивана Грозного и небезуспешно пытались посадить на русский трон своих ставленников Лжедмитриев, которым присягнули на верность правитель Ногайской Орды бий Иштерек и казахский султан Ораз-Мухаммад из рода Чингисхана, правитель вассального от Москвы Касимовского ханства. И при этом раскладе сил успешное противостояние Речи Посполитой Москве и Стамбулу в немалой степени зависело от позиций государств тюркских степных народов – Крымского и Казахского ханств, Большой и Ногайской Орд. Поэтому поляки прилагали дипломатические усилия, чтобы привлечь степняков на свою сторону. Так, в 1470 г. польский король Казимир IV направил в Большую Орду посольство с планом удара по Московской Руси с двух направлений. Посол короля, служилый татарин «многие дары принесе к нему (хану Большой Орды Ахмеду) ...от короля» (Трепавлов 2001: 121–122). Большая Орда, занимавшая обширные просторы поволжских и причерноморских степей, считала себя правопреемницей Золотой Орды и до 1480 г. взимала с Москвы регулярную дань. В 1507 г. во время русско-литовской войны Крымское ханство поддержало союзника Литвы Польшу и крымско-татарское войско во главе с самим ханом, следуя договоренности с польским королем Сигизмундом I, двинулось было к русским границам. Однако вторжение ногаев вынудило крымского хана отказаться от военной поддержки поляков. Польша поддерживала дипломатические отношения с крымскими ханами, как показывает грамота 1510 г. крымского калги Мухаммед-Гирея I

польскому королю Сигизмунду I, в котором крымский царевич объясняет свою паузу с отправлением крымских послов в Краков тем, что «от неприятелв наших, од нагай вестъ пришла, чтож они межи собою билися» (Трепавлов 2001: 148–149, 164); а также, несмотря на ее явно промосковскую ориентацию, с Ногайской Ордой, о чем свидетельствует письменный документ – «память» ногайскому послу к польскому королю, составленная в сентябре 1554 г., и участие ногаев в войнах с поляками на стороне русских. Наиболее интенсивно ратники из заволжских степей ис-пользовались Москвой в 1560–1570-х гг. во время напряженного противостояния с Речью Посполитой. Вероятно, первая акция по массовому привлечению ногайской конницы к военным действиям в составе русских войск датируется январем 1563 г., когда в большом походе на Полоцк в ходе Ливонской войны принимали участие послы ногайского бия Исмаила и четыре мирзы. Факт участия кочевников в московской армии, как и слухи об этом, создавали психологический дискомфорт и сеяли смятение в рядах противника. Российская сторона усугубляла эффект от привлечения ногаев, в десятки раз завышая их численность при переговорах с западными партнерами. В мае 1556 г. дьякам было велено известить прибывшее литовское посольство о том, что мирзы «на государеву службу ходят, не отъезжая, тысячъ по дватцати и по тритцати, и сколко коли нашему государю надобе». Через три года в «память» (инструкцию) послу, снаряжавшемуся к польско-литовскому королю Сигизмунду Августу, была включена та же фраза, но с уточнением: «тысечь по сороку и по пятидесять»; то же повторилось в 1571 г. И позднее, в 1632 г., русские военачальники, посланные на войну с Польшей, докладывали царю, что ногайские мирзы «урядяся полком... пришли к нам... в передовой полк под знамя со своими знамены» (Там же: 393, 580; 1998: 106–107).

Европейские наблюдатели обращали пристальное внимание на турецкий компонент московского воинства. Именно европейские визитеры в Россию заметили принципиальную закономерность: заволжские батыры действовали главным образом «в Литве, Польше, Лифляндии и по границам Швеции», поскольку «русские власти используют татар против поляков и шведов».

К 1515 г. крымский хан отошел от союза с Польшей и склонился к коалиции с Великим княжеством Московским, направленной в первую очередь против Большой Орды. Сигизмунд I, пытаясь разрушить русско-крымский союз, извещал крымского хана о частых контактах москвитов с Ногайской Ордой и об антикрымской подоплеке этих контактов: «К тебе, брату нашему, послов своих з своими несправедливыми словы и з присягою частокрот (Иван Московский, то есть Иван III – государь Московской Руси) посылает и мирится, а з другое стороны нагайцов на тебе, брата нашего, направляет» (Трепавлов 1998: 610; Флетчер 1905: 64; Штаден 1925: 61–62, 116). Сигизмунд был прав: ногайско-русские контакты ширились, и их антикрымская и антипольская направленность была очевидна, что в конечном итоге привело к разрушению союзных отношений Крыма и Москвы уже в правление Василия III, преемника Ивана III, когда в 1521 г. крымские татары, в составе войск которых находились запорожские казаки, непокорные подданные польской короны, предприняли опустошительные походы на Московию. Но разрыв Крыма с Москвой не гарантировал Польше безопасности от крымских набегов. Как свидетельствует письмо крымского хана Мухаммед-Гирея I своему повелителю падишаху Османской империи Сулейману I в том же году, дошедшее до наших дней и сохранившееся в музее дворца Топкапы в Стамбуле, сдерживающим фактором экспансии Крымского ханства и Османской империи в отношении Польши в тот момент стали казахи, расширившие к этому времени пределы своего ханства до междуречья Урала и Волги, и Астраханское ханство, которых крымский хан рассматривал как своих вероятных противников.

В 1524 г. о совместном ударе по Крымскому ханству за спиной крымского хана Саадет-Гирея договаривался с польским королем бий Ногайской Орды Агиш, «чтоб... нашего недруга да твоего, Крымской Орды, меж нас не было». При этом указывалось, что со стороны ногаев войну поведет освобожденный по просьбе Агиша польским королем из литовского заточения последний повелитель Большой Орды «царь» Шейх-Ахмед. Содействовал этому союзу и астраханский хан Хусейн. Весной 1524 г. отряды польского короля разорили Очаков и вторглись в крымские пределы. Но польско-

ногайский союз не состоялся из-за смуты в Ногайской Орде и нападения бывшего казанского хана Сахиб-Гирея.

Не всегда поляки прибегали к силе в отношении своих степных противников, иногда более эффективным орудием для достижения политических целей служил подкуп. В 1541–1542 гг. посол польского короля Семен Бельский по прибытии в Крым раздал крымским сановникам подарки, самые щедрые и богатые из которых предназначались карачи-беку (главному министру) «Бакью князю» и двум его братьям.

В 1559 г. некоторые ногайские улусы пересекли польско-крымскую границу и стали кочевать по Орелю. Польский король направил распоряжение местным властям (старостам Черкасскому и Каневскому, Браславскому и Винницкому), чтобы они оградили пришельцев от нападок местного славянского населения и выяснили их намерения. Если ногаи попросят, то принять их «в оборону и в свои господарства», а молодым воинам из их числа пообещать жалованье за участие в войнах на польской стороне.

Вместе с тем, как и Московская Русь, Речь Посполитая в XVI в. платила Крымскому ханству так называемые «поминки» – нерегулярную дань. Как писал И. Мамонов, русский посол к крымскому двору со слов Нур-султан – крымской «царицы большой» – жены хана Менгли-Гирея, хан «великого князя (Московского) и (польские) королевы поминки ...пропивает со своими любимыми женами» (Сыроечковский 1940: 50; Зайцев 2001: 105, Трепавлов 2001: 305), то есть сын Менгли-Гирея Мухаммед-Гирей, наследовавший ханский трон, тратил дань, поступающую из Москвы и Польско-Литовского государства, на пропой, невзирая на запреты мусульманской религии, поскольку как типичный степняк был «собственному преданный исламу, чьи не слишком строги письма», – если выразиться стихами великого Омара Хайяма.

Польская историография этого времени представлена рядом трудов, которые содержат информацию о тюркских народах евразийских степей. К их числу можно отнести «Трактат о двух Сарматиях, Азиатской и Европейской, и о находящихся в них» польского государственного деятеля, медика и историка Матвея Меховского (1457–1523) от 1517 г., в котором он повествует о крымских и казанских татарах, ногаях и казахах, отделяя их друг от друга: «Та-

тарских орд четыре... Это именно орда заволжских татар (Большая Орда, ко времени написания данного трактата уже не существовавшая. – *А. К.*), орда перекопских татар (то есть Крымское ханство), орда козанских (Казанское ханство), а четвертая – орда ногайских (Ногайская Орда). Добавляют еще и пятую... и называют ее казакской (Казакское ханство)» (Трепавлов 2001: 160). В донесении бежавших из русского плена выходцев из Лифляндии Иогана Таубе и Элерт Крузе королю Сигизмунду I упоминается о ногаях, жестокых распрях в Ногайской Орде, рисуется их образ жизни, занятия, быт. Трактат «О нравах татар, литовцев и москвитян» секретаря литовской великокняжеской канцелярии Михалона Литвина (Венцеслав Миколаевич [примерно 1490–1560]), преподнесенный им польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду II Августу, наряду с другими темами сообщает о месте ногаев среди прочих орд (Там же: 177, 229; Меховский 1936: 288). Дневник Станислава Освецима, придворного чиновника украинско-польских магнатов Конецпольских и Любомирских, описывает военные действия крымских татар в 1643–1651 гг. на Украине, когда они выступили на стороне украинского казачества, в частности запорожцев, против Польши, и затрагивает место ногаев в этих событиях. Это был тот случай, когда полякам не удалось предотвратить союз крымского хана с украинским казачеством, боровшимся во главе с гетманом Богданом Хмельницким за отделение от Речи Посполитой. Этот союз существовал с начала 1648 г. и, хотя был противоречив и непрочен, все же в течение шести лет обеспечивал помощь казакам в борьбе против польской власти. Польша пыталась разрушить этот союз, о чем свидетельствуют три письма польского короля Яна Казимира летом 1653 г. крымскому двору с предложением содействовать умиротворению между Крымским ханством и Речью Посполитой. Тогда эти попытки не увенчались успехом; в 1653 г. крымцы во главе с ханом двинулись на Украину для поддержки Б. Хмельницкого, вступившего к этому времени в союз с Русским государством, что в итоге привело к отделению Украины от Польши и присоединению ее к России (Литвин 1994: 151). Но в 1654 г. во время российско-польской войны за Украину крымцы выступили на стороне Речи Посполитой, и для успешной борьбы с ними Москва привлекла волжских калмыков и донских казаков. В

1663 г. калмыки появились в Запорожской Сечи и, «мир и веру супча приняв, ходили под Чигирин» на правобережную Украину, где разбили крымские отряды. В записях французского военного инженера Гильома де Боплана, служившего польскому королю Сигизмунду III в 1630–1648 гг. на Южной Украине, немало страниц посвящено ногаям Буджака и статусу ногайской знати при дворе крымских ханов. Записки Станислава Немоевского, придворного Марины Мнишек – польской жены русского царя-самозванца Лжедмитрия I, ставленника Речи Посполитой, – содержат данные о расселении ногаев на Дону и об уделах тюркской степной знати в Московском государстве, где она служила русским царям (Тепкеев 2005: 17; Дневник... 1882: 126–151; Заборовский, Захарьина 1992: 165–205; Титов 1907: 1–309). «Описание Татарии» Мартина Броневского, побывавшего в 1578 г. в течение девяти месяцев в Крыму при дворе крымского хана Мухаммеда-Гирея II, описывает крымские династические распри, роль ногаев в этих событиях и характер отношений Крымского ханства с Ногайской Ордой (Броневский 1867: 333–367; Трепавлов 2001: 45–48). В 1690 г. в Гданьске польский астроном Ян Гевелий издал «Атлас звездного неба», в котором был помещен графический портрет центральноазиатского правителя, астронома и ученого XV в. Улугбека.

В последующие столетия, начиная со второй половины XVIII в. и до 1917 г., поляки и степные народы – крымские татары, ногаи, казахи, башкиры, караимы, калмыки – разделили общую судьбу, став подданными Российской империи. Хотя в годы тяжелейших испытаний для России они порой оказывались по разные стороны баррикад, как, например, это случилось в войнах с Наполеоном I Бонапартом, когда польский кавалерийский корпус уланов Понятовского, сражавшийся в составе французской армии, сходилась в бешеных конных рубках на полном скаку с башкирами и калмыками, воевавшими за Россию. Да и позднее, например, в подавлении польского восстания в 1863 г. участвовали сформированные в российской царской армии иррегулярные части из представителей степных народов, в частности особый казахский отряд под командованием султана Ибрагима Джаикпаева. Тем не менее именно в эпоху Российской империи поляки, литовцы и белорусы, выходцы из бывших земель Речи Посполитой, внесли заметный вклад в изу-

чение истории и культуры народов евразийских степей. Их научное наследие следует рассматривать как принадлежащее культуре нескольких этносов: того, из среды которого они происходили, того, на языке которого они получали образование и издавали свои работы, и того, на территории которого протекала их исследовательская деятельность.

Деятельность выходцев из бывших земель Речи Посполитой в Центральной Азии противоречива. С одной стороны, она объективно препятствовала колонизаторским тенденциям на степных окраинах Российской империи, поскольку некоторые из них выступали за равноправие угнетаемых при царизме тюркских степных и оседлых народов. Заслуживает внимания деятельность этих исследователей в нелегких условиях политической ссылки и при недостатке материальных средств, в зависимости от личных качеств местных колониальных администраторов. Сведения о природе и населении степей, приводимые в работах упомянутых исследователей, обогащали науку новыми сведениями, готовили почву для ее дальнейшего развития и не утратили значения до сего времени. Их исследовательская деятельность в регионах расселения степных народов способствовала формированию научных представлений об этих народах и пробуждению среди немногочисленной тогда интеллигенции национальных окраин Российской империи интереса к природе обитания и прошлому своих народов (Гейнс 1897: 259; Чокан Валиханов... 1964: 187; Валиханов 1984: 28, 30, 35; Потанин 1904: VIII; Грицкевич 1994: 55–58, 62; 1972а: 24–26; 1972б: 79–82; 1977: 162–165; Модестов 1917: 53–55; Стеклова 1966: I–XXXVIII; Шаповалов 1983: 113; Jewsiewicki 1983; Назаров 2005: 113–119).

С другой стороны, очень многие из поляков, особенно военные, были проводниками российской колониальной политики в Туркестане.

В годы Первой мировой войны резко возросло количество поляков в Центральной Азии за счет военных из передислоцированных частей русской армии, интернированных подданных Германии и Австро-Венгрии, эвакуированных и беженцев из Польши, Литвы и Белоруссии и военнопленных поляков из австро-венгерской и германской армий. 1917 г. стал временем активности польской диаспоры Туркестана, где представителем Временного правительства, пришедшего к власти в России после Февральской революции, был

назначен поляк Шкапский. Несколько сотен поляков – солдат гарнизона Ташкента – выступили против Временного правительства на стороне большевиков, взявших власть в России в октябре 1917 г. Поляки активно участвовали в гражданской войне в Туркестане, причем с обеих сторон. Белой Закаспийской армией командовал генерал Савицкий, а главой Совнаркома Туркестана – местного советского правительства в 1918–1919 гг. – был В. Фигель-ский. Командующими Туркестанским фронтом и Туркестанским военным округом Красной Армии были М. К. Левандовский и К. А. Авксентьевский, различные военные и политические посты занимали Бич-Брудневский, Вышетравский, Кротовский, Кукель-Краевский. Польская диаспора была объектом внимания советского руководства Туркестана. В Отделе национальных меньшинств Туркестанского народного комиссариата по делам национальностей была создана Польско-литовская секция. В начале 20-х гг. XX в. в Центральной Азии проживало 4,5 тыс. поляков.

И поныне поляки представлены среди степных народов, обитающих в странах Центральной Азии, в первую очередь в Казахстане, где местная польская община насчитывает более 10 тыс. человек. После нападения Германии на Польшу в 1939 г. и ввода войск Советского Союза на принадлежавшие ей тогда земли Западной Украины и Западной Белоруссии часть польского населения была депортирована с этих территорий в Казахстан. В годы Второй мировой войны в Казахстане и Кыргызстане из числа польских эмигрантов была сформирована армия генерала Андерса, затем ушедшая на британо-германский фронт в Северной Африке, и части Войска Польского, сражавшиеся с немецкими фашистами на советско-германском фронте плечом к плечу с Советской Армией, воинами которой были сотни тысяч казахов, татар, кыргызов, башкир, калмыков, ногайцев.

Таким образом, роль тюрко-монгольских государств и народов в истории Польши противоречива и неоднозначна. Польша была одной из немногих стран, защитники которой в страшные годы монгольского нашествия сражались до конца против превосходящих сил врага в безнадежных, казалось бы, обстоятельствах. И впоследствии, после создания Речи Посполитой, степняки и поляки часто встречались на полях сражений, хотя и далеко не всегда как

враги. Как бы то ни было, но войны далекого прошлого не оставили антагонизма между народами бывшей Речи Посполитой – поляками, литовцами, белорусами, украинцами – и евразийских степей – монголами, татарами, ногайцами, казахами, башкирами, караймами, калмыками, – как иногда бывает. Однако взаимоотношения поляков и тюрко-монгольских степных народов в средние века при всей их трагичности – это не только военное противостояние, но и дипломатические, торговые и культурные связи. Среди путешественников, которым принадлежит честь первыми познакомить средневековую Европу с монгольским миром, находился Бенедикт Поляк, спутник Платона Карпини, посла Папы Римского, чьи сведения стали базой первых представлений Запада о монголах XIII в. Бенедикт разделил все тяготы миссии Карпини ко двору великого монгольского хана и повсюду сопровождал его. Хотя Бенедикт не оставил записок о своем путешествии в Центральную Азию, его короткий рассказ об этом зафиксирован неким Симоном де Квентином, участником более поздней миссии. О заслугах Бенедикта лучше всего сказал Платон Карпини: «...всему тому, что мы пишем вам... вы должны верить... мы... сами видели все своими глазами, странствуя одинаково у них и вместе с ними с лишком год и четыре месяца, или пробыв в их среде... Ведь мы имели поручение от верховного первосвященника, чтобы обследовать все в совокупности и тщательно осмотреть каждую подробность. Это и выполнено со всем тщанием как нами, так и принадлежащим к тому же ордену братом Бенедиктом, который был участником наших бедствий и толмачом...» (Путешествия... 1993). В свою очередь, десятки тысяч выходцев из тюркских степей на протяжении нескольких столетий были частью сословий, высших и низших, польско-литовского общества, верой и правдой служа своей новой отчизне – Речи Посполитой, что оставило неизгладимый след в польской истории и культуре. И в Новое время отсутствие пространственных перегородок в пределах обширной Российской империи создавало возможность сблизить польский и степные народы Евразии. Их культуры полтора столетия формировались и развивались, находясь в единой системе связей, что сближало их, определяя во многом сходство их жизненного уклада, менталитета, приводило к взаимообогащению культур. Наглядным свидетельством этого яв-

ляется научная и просветительская деятельность выходцев из бывших земель Речи Посполитой, в первую очередь поляков, в регионах обитания тюрко-монгольских народов. Их исторические связи скрепила кровь, пролитая в борьбе с фашизмом в годы Второй мировой войны, ставшей Великой Отечественной для тюркских и монгольских народов СССР.

Литература

Броневский, М. 1867. Описание Крыма (Tartariae Descripto). *Записки Одесского общества истории и древностей*. Т. 6 (с. 333–367). Одесса.

Валиханов, Ч. Ч. 1984. *Собрание сочинений*: в 5 т. Т. 1. Алма-Ата.

Гейнс, А. К. 1897. *Собрание литературных трудов*. Т. 1. СПб.

Горелик, М. В. 2002. *Армии монголо-татар. X–XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение*. М.: Техника молодежи.

Грицкевич, В. П.

1994. Вклад выходцев из Белоруссии и Литвы в научное изучение Азии в XVI – начале XX вв. *Страны и народы Востока*. Вып. XXVIII: *География. Этнография. История. Культура*.

1972а. К изучению биографий К. И. Богдановича и Б. Л. Громбчевского (по материалам советских архивов). *История русско-польских контактов в области геологии и географии*.

1972б. С Алая на Каракорум. *Литературный Кыргызстан* 4: 79–82.

1977. Друг Кобзаря по неволе. *Урал* 3: 162–165;

Дневник Станислава Освецима (в извлечении): 1643–1651. *Киевская старина* 1882, № 1: 126–151.

Заборовский, Л. В., Захарьина, Н. С. 1992. Россия, Крым, Польша, Украина в середине 50-х годов XVII в.: Из материалов чрезвычайного посольства в Крымское ханство во главе с дворянином Т. Г. Хотунским и подьячим Поместного приказа И. Фоминым 1654–1655 гг. *Славяне и их соседи*. Вып. 4. *Османская империя и народы Центральной, Восточной, Юго-Восточной Европы и Кавказа в XV–XVIII вв.* (с. 165–205). М.

Зайцев, И. В.

2001. Алкоголь в Золотой Орде и Крымском ханстве (XIV–XVIII вв.). *Orientalistica univernale: сборник работ молодых сотрудников и аспирантов*. Вып. II. М.: Ин-т востоковедения РАН.

2002. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда османскому султану Мураду II: Османская империя, Золотая орда и государства Восточной Европы в конце XIV – первой трети XV века. *Hungaro-Rossica*. Бюллетень (Newsletter) № 9. М.: Ин-т востоковедения РАН.

Ислам в истории Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М.: Академкнига, 2001.

Кошелев, В. С. 1992. Мусульманская община на территории Белоруссии в прошлом и настоящем. *Ислам и проблемы межкультурного взаимодействия*. Тезисы докладов и сообщений. М.: ИВ РАН.

Литвин, М. 1994. *О нравах татар, литовцев и москвитян*. М.: Изд-во МГУ.

Меховский, М. 1936. *Трактат о двух Сарматиях*. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР.

Модестов, Н. 1917. Магистр Фома Карлович Зан в Оренбурге. *Труды Оренбургской архивной комиссии*. Вып. 35. Оренбург.

Назаров, Р. Р. 2005. К истории польской диаспоры Туркестана. *Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Материалы Пятой международной научно-практической конференции* (с. 113–119). Барнаул: Азбука.

Пашуто, В. Т. 1970. Монгольский поход вглубь Европы. *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М.: Наука.

Потанин, Г. Н. 1904. Биографические сведения о Чокане Валиханове. В: Веселовский, Н. И. (ред.), *Сочинения Ч. Ч. Валиханова – Записки Русского географического общества по отделению этнографии*. Т. XXIX. СПб.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрика. Алматы: Гылым 1993.

Свентославский, В. 1998. Боевые газы в армии средневековых монголов. *Военная археология. Оружие и военное дело в истории и социальной перспективе. Материалы международной конференции*. СПб.: ГЭ–ИИМК.

Стеклова, Ф. И. 1966. Адольф Янушкевич и его книга. В: Янушкевич, А., *Дневники и письма из путешествия по казахским степям* (с. I–XXXVIII). Алма-Ата; Казахстан.

Султанов, Т. И. 1978. Письма золотоордынских ханов. *Тюркологический сборник*. М.: Наука, ГРВЛ.

Сыроечковский, В. Е. 1940. Мухаммед-Гирей и его вассалы. *УЗ МГУ*. Вып. 61. Т. II.

Тепкеев, В. Т. 2005. *Калмыцко-крымские отношения в контексте внешней политики России и Османской империи в XVIII веке (1700–1771 гг.)*. Дис. ... канд. ист. наук. М.

Титов, А. А. 1907. Записки Станислава Немоевского (1606–1608). В: Титов, А. А., *Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву*. Вып. 6 (с. 1–309). М.

Трепавлов, В. В.
1998. Тюркская знать в России (ногаи на царской службе). *Вестник Евразии – Acta Eurasica* 1–2 (4–5): 101–114

2001. *История Ногайской Орды*. М.: Восточная литература.

Флетчер, Дж. 1905. *О государстве Русском*. СПб.

Чокан Валиханов в воспоминаниях современников. Алма-Ата: Казгосиздат 1964.

Шамов, Г. Ф. 1983. *Профессор О. М. Ковалевский. Очерк жизни и научной деятельности*. Казань.

Шгаден, Г. 1925. *О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника*. Л.: Изд-во М. и С. Сабашниковых.

Юрченко, А. Г. 2001. Восточный ребус для западной историографии. *Российское монголоведение* V: 162–165.

Długosz, J. 1873. *Historiae Polonicae*. Т. II. In Przewdziecki, A. (ed.), *Opera omnia*. Т. XI. Cracoviae.

Jewsiewicki, W. 1983. *Batyr. O Janie Witkiewiczu. 1808–1839*. Warszawa.

Labuda, G. 1959. Wojna z Tatarami w roku 1241. *Przegląd Historyczny*. Т. L., № 2 (s. 189–224). Warszawa.

Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae eft Moraviae. Т. I. № 1060 (s. 502). Pragaе, 1855.

Strzelczyk, J. (red.) 1999. *Spotkanie dwóch swiatow: Stolica apostolsca a swiat mongolski w polowie XIII wieku Relacje powstale w swiazku z misjia Jana di Piano Carpiniego do Mongolow*. Poznan.